

Юрий Бацуев

*Увидеть весь мир в
кружке песка*

12+

из полевой жизни геолога

Юрий Бацуев

**Увидеть весь мир
в крупице песка...**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бацуев Ю. А.

Увидеть весь мир в крупице песка... / Ю. А. Бацуев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Настоящая книга «Увидеть весь мир в крупице песка...» — это прозаическое самовыражение автора как геолога и формирующегося поэта. Оригинальная подача материала в виде дневниковых откровений и замыслов позволяет сохранить свежесть восприятия событий и одновременно активизирует читателя, превращая его в соучастника происходящего. Содержит нецензурную брань.

© Бацуев Ю. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Житейские фрагменты полевой жизни геолога	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

To see a World in a Grain of Sand
And a Heaven in a Wild Flower,
Hold infinity in the palm of your hand
And Eternity in an hour.

William Blake (1803 y.)

Увидеть весь мир в крупице песка,
В ладони держать бесконечность.
Узреть небеса в узоре цветка,
В мгновенье почувствовать вечность.

Вильям Блейк (1803 г.)

Житейские фрагменты полевой жизни геолога

05. 11. 1964г. Алма-АТА

Я пришёл в канцелярию университета. Волков был завален бумагами и окружен сотрудниками-методистками. Я сказал, что вот, мол, пришёл, как и уговаривались раньше, восстанавливаться в университете. Ему, понятно, было некогда. Этого я ожидал, и выходить из канцелярии не торопился.

– Приходите после праздника, – сказал он.

Но я не собирался уходить:

– Ну как же так, Игнат Павлович, я ведь уже четвёртый раз у вас.

– Видишь, некогда. Что я сделаю? Вот Валентина Васильевна (он указал на женщину в очках), пусть она тобой займётся.

На первый взгляд, эта В. В. была приятна, но, приглядевшись, увидишь, что она резка не по-женски и к тому же криклива.

– Вот ещё, буду я подниматься на четвёртый этаж, видите – некогда, приходите после праздника, – ответила она после моего обращения к ней. Я попросил её, чтобы она выдала мне задание на учебный год. Я не уходил по-прежнему, тогда она сказала, что не преклонена в своём решении.

Потом они начали стыдить меня за глупое, смешное упрямство, неуместное упрямство. Но уйти я не мог, так как знал, что таких людей только так и можно пронять. Ещё из армии я писал много писем с просьбой, чтобы они мне выслали выписку из приказа, что они меня отчислили в связи с уходом в армию. От них не было ответа.

Игнат Павлович сказал, что, небось, в армии мне бы сказали один раз, и я бы ушёл. На что я ответил, что там и мне бы пришлось уходить лишь один раз.

Таким образом, я простоял у стены один час и 15 минут в промежутках между диалогами. Они работали, перепирались со мной, нервничали, но не уступали. Их было четверо: три методистки и Игнат Павлович – их начальник. Мне казалось, что две методистки «за меня», но я ошибся и, когда они навалились на меня все, я медленно отступил и вышел, не попрощавшись. Последнее было бы и неуместно.

«Ну и солдат», «как же ты в семье?», «глупое упрямство» – я шёл и представлял, как они меня ругают. И было смешно и досадно, что я опять «на бобах».

Пока я стоял там, зашёл один лысый симпатичный сотрудник и рассказал самый последний анекдот.

– Как же мы теперь будем жить, – спрашивают, – по-прежнему?

Отвечают: – Да нет, по – Брежневу.

И ещё Валентина Ивановна очень смеялась, когда искали студента по фамилии, кажется, Тулебаев. Его жена прислала справку, что он умер. И его отчислили. Но на сессию он прибыл и был удивлён. С женой он разошёлся.

– Это же надо быть умной, чтобы придумать такую месть! – воскликнула В. В. и громко засмеялась. На её левой руке была выжжена кислотой татуировка. А так, внешне она выглядит довольно привлекательно: блондинка, очки в красивой оправе, кольцо – перстень, стройные ноги, высокий каблук.

...Так я начал свою гражданскую жизнь. Военный билет в кармане, с паспортом дело затянулось из-за справки-квитанции, которая у матушки в Иркутске.

Сейчас я свободен до конца праздников. Уж так получилось.

29.11. 1964г

Я уже работаю и, наконец, восстановлен в университете. Сейчас нахожусь в камералке, то есть в комнате, которую занимает наша гидрогеохимическая партия, куда я принят в качестве техника-гидрогеолога с окладом 90 рублей. Мой начальник – Николай Николаевич Маньков, с которым я начинал шесть лет тому назад (ещё до армии) производственную карьеру. В партии нас пять человек – четверо мужиков и одна дама. Как я понял, мы должны заниматься попутно с гидрогеологическими работам поиском различных полезных ископаемых. То есть, если в подземных водах будут обнаружены аномальные содержания микроэлементов, мы должны фиксировать это. И разбираться – откуда эта аномалия. Вполне возможно, что вода, омывая руду, обогатилась этими элементами. И теперь по определённым признакам может помочь найти месторождение. А это как раз то, что нам и надо.

...Сейчас я сижу и, как могу, обдумываю всё это. Начальники мои после обеда все разошлись кто куда. Мне даны конкретные указания на случай, если кого спросят, выяснить что надо и сообщить кто где. Сам я как раз нахожусь на стадии насыщения знаниями. Завёл себе блокнот и выписываю из разных книг гидрогеохимические критерии поисков месторождений полезных ископаемых. Занимаюсь я этим увлечённо, так как в армии «попав в обстрел команд докучливых старшин», я три года был лишён возможности полезно напрягать свои извилины.

Оказывается, по способности миграции того или иного элемента можно определить нахождение залежи его месторождения.

Например, повышенные содержания в воде вольфрама могут указывать на то, что его месторождение находится где-то на расстоянии двести-триста метров от места отбора пробы, а повышенные содержания в воде свинца, серебра, никеля, цинка определяют нахождения месторождений в пределах пятисот-девятистот метров. Зная направление подземного потока воды, можно легко определить предполагаемые нахождения месторождений этих элементов.

Показателем нефтеносности является присутствие в воде нафтеновых кислот, так как они поступают в воду непосредственно из нефти.

По содержанию микроэлементов в воде, и зная допустимые их нормы, можно определить пригодна эта вода для питья или нет. Так, наличие фенолов более одного миллиграмма в литре воды делает её не пригодной для принятия внутрь.

Микроэлементы – это такие элементы, содержание которых в водах обычно составляет менее десяти миллиграммов на литр.

Я узнал, что при недостатке фтора в питьевой воде у человека появляется кариес зубов, а при избытке – флюороз. Подагра связана с повышенным содержанием в воде молибдена. А в районе никелевых месторождений скот слепнет от избытка никеля в воде. Повышенное содержание бора является результатом тяжёлых кишечных заболеваний у овец. Излишнее содержание селена в травах вызывает разрушение рогов и копыт.

...Всё это я вычитывал и записывал в свой блокнот так увлечённо, что не заметил, как за окном остановилась грузовая машина, вокруг которой засуетились какие-то мужики. А через некоторое мгновение распаивается дверь в нашу комнату и эти мужики вкатывают бочку, как оказалось с пивом.

– Сюда, сюда, закатывайте – ставьте. У Коль Колича можно, – шустро распорядился один из них. Тотчас бочка оказывается посреди комнаты. Тут же нашёлся насос. Не успел я отреагировать на всё это, как появились откуда-то пивные кружки и стали наполняться пенистой влагой. Первые две, налитые до краёв, предстали прямо перед моим носом на моём столе.

– Что это? – осведомился я.

– Как что – пиво. Пейте.

– А я не пью.

– Пиво, не пьёте?! – насмешливые изумлённые глаза смотрели на меня в упор. Это были глаза человека лет сорока, среднего роста с кучерявой русоволосой головой. Он был при галстуке и слегка возбуждён алкоголем. Другой, ростом чуть выше первого, довольно привлекательный тридцати с лишним лет мужчина – хозяин бочки – щедро угощал входящих одного за другим посетителей. Оказывается у него благополучно завершился полевой сезон и он решил это дело «обмыть». Это был старший геолог Иваненко Владимир. Помогал ему тот первый кучерявый инженер из химлаборатории, как выяснилось тут же – в прошлом морской офицер Леонид Петрович Кокарев.

... Я не знал, как мне себя вести.

– Всё это ничего, – наконец собрался с мыслями я, – ну а если сюда нагрянет начальство, тогда что?

– Какое начальство? – искренне изумился инженер из лаборатории.

– Как какое. Ну, например, начальник геологического отдела Шандыба.

– Шандыба? Анна Игнатьевна? – воскликнул экс-моряк и, стуча себя в грудь, добавил: – Шандыбу Анну Игнатьевну я беру на себя!

После этого мне уже нечего было сказать. Я сидел, наблюдая за происходящим, и молил бога, чтобы никто из руководства ненароком не заглянул к нам по служебным делам. В самом деле, не гнать же мне было своих коллег вон из комнаты.

На следующий день Леонид Петрович не появился на работе. А дня через два я совершенно случайно столкнулся с ним возле ЦУМа: – Леонид Петрович, – обратился к нему я, – как там Анна Игнатьевна Шандыба поживает? Вы взяли её на себя? – Тут он очень смутился, даже оробел, хотя, как оказалось, и жил с ней в одном доме, и на одной площадке. Но я его тут же успокоил. – Не волнуйтесь, – сказал я, – всё обошлось.

26. 03. 1965 г.

Количество языков современного мира превышает цифру 2500 (по данным 2010г более шести тысяч).

30. 03. 1965 г.

Лысел он (Лев Сергеевич) и с темени, и с затылка.

31. 03. 1965 г.

Бухгалтер и по двору, и в столовую, и в туалет ходил с нарукавниками, они «приросли» к нему, как большая круглая плешь на его сократовской голове.

Семиречье

07. 05. 1965 г.

Я впервые выкупался в реке Каратал, вернее вымылся, зайдя по колено в воду. Вчера ночевали в общежитии Талды-Курганской партии. С утра заехали в Уштобе прямо в церковь к дяде Ване, отцу Иоанну, – тестю Евгения Сергеевича. Батюшка нас встретил приветливо. После нескольких бутылок водки, глядя на образа, Виктор спросил его, есть ли здесь Николай – угодник, у меня с ним так много связано. Дядя Ваня увёл нас в другую комнату и указал на маленькую икону с бледным бородатым святым. Это был Николай – угодник.

Одна экспансивная верующая говорила нам: «Не молитесь, не креститесь, но в душе носите Господа». А потом, когда матушка вышла, она искушала отца Иоанна: «Пей, батюшка, пока матушка вышла». Она была пьяна, в неё вселился дьявол.

Батюшка хорошо простился с нами и даже признался: «Приезжайте, с вами я и отдохну, ведь закрыт я от всех здесь». На что Виктор заметил: «Мы – распахнём эти ворота. Будут они верить в Николая – угодника».

– Что вы, что вы, – говорил дядя Ваня, и затем добродушно – величественно наложил на нас крест один и другой. Попадья вышла за ворота и махала ручкой нам на прощание, и видно было, что она это делает с расчётом, чтоб и окружающие видели. Я помахал им на прощание, и мы поехали. Евгений Сергеевич был очень пьян и, выезжая из ворот, выругался. Виктор его одёрнул.

...Мы долго блудили по степи, пока, наконец, не остановились на берегу Каратала, в нескольких км от «заготскота», около вертолётки.

... Видел зайца и фазана. Сейчас все спят (17 – 00). Я читаю «Введение в языкознание».
* * *

... «Племянник-то мой, да ум свой», «За ваше здоровье водку, да в свою глотку», – говорила беззубая 76-летняя бабка, которая в молодости очень хорошо разрисовывала пасхальные яйца.

09. 05. 1965 г.

Разбили лагерь, разумеется, у реки. Поставили пока две палатки. Вертолётчики дали нам мяса две ляжки. Вчера сварили и очень много ели. Виктор поймал два сазана и четыре маринки. Большие рыбины. Сейчас будем жарить. Оказывается, у маринки не едят икру. Шофёр Виталий пошинковал рыбу маринку, чтобы косточки не чувствовались при еде. Посмотрим, какова она на вкус. Птицы поют не смолкая. Кричат фазаны. И чувствуется, берега живут полной жизнью.

11. 05. 1965 г.

Остались вдвоём с Виктором (старшим гидрогеологом). Сделали лодку. Клёв хороший. Едим уху и жареную рыбу. Кроме сазана и маринки, поймали леща, засолили. Рыбным хозяйством занимается Виктор. Вчера перед заходом солнца я взял с собой Пальму, собаку похожую, на сеттера, и пошёл по лесу. Выйдя на поляну, увидел фазана. До него было далеко. Подбежали, след простыл. В лесу Пальма резвилась, путаясь в траве, носом прорезая путь. Я вышел к берегу. Мелкий ивняк был мокрый, видимо роса окутала его. Потом я снова углубился в заросли. Там я услышал соловья. Остановился. Посвистел (как мог), вторя ему. Соловей подлетел ближе. Минут пять мы пересвистывались, затем я решил ему продемонстрировать богатство человеческой песни. Я свистел старательно. Но соловей удалился от меня. Ему не понравились наши, человеческие «достижения». На обратном пути какая-то птица вспорхнула рядом. Я посмотрел на реку, в ней отражались последние лучи вечерней зари. Вода была на западе оранжевой, жёлтой, голубой, на востоке – серой. Закат затухал, отблески тускнели. Вода выравнивалась в цвете, и наконец, стала тёмно-серой.

12. 05. 1965 г.

Живём. Поймали судака. Красивый, прозрачный. Пасть костистая. Уже четыре сорта на счету. Виктор говорит, что осталось выловить осётра. И все виды рыб, которые водятся в этой реке, будут нами отловлены. Вода спала очень и соединила один остров (куда я собирался попасть) с нашим берегом. Выводили сегодня лодку. Виктор в шесть вечера со спиннингом поедет на ней охотиться за осётром. Мне не придётся сходить на остров – надо находиться в лагере. По плёсу бегают Пальма за синицами. Синицы играют с ней, дразнят. Пальма, дура,

по ночам лает, а днём спит с храпом. Может быть, синицы заставят её войти в человеческий режим.

«Надо поставить в тенёк», – говорит Виктор.

...Надо уметь находить прекрасное и это прекрасное обогатит нас и мы сами будем излучать его и будем счастливыми. Радость жизни заражает окружающих. Ищи прекрасное.

14.05.1965 г.

Приехали 12 числа вечером все. Привезли и Валеру Лебедева, с которым мы служили в армии, и которого я вызвал из Ярославля на лето поработать с нами – геологами. Он учится в художественном училище.

На следующий день с Ник. Ник. Маньковым сложились натянутые отношения. Ему казалось, что я не загружал Лебедева работой. Он был пьян и всё не довольствовался. Я сказал вечером, что за этот день я на него в обиде. Когда-то я с ним работал. Это был первый мой начальник и учитель. Просто что-то на него нашло.

Вчера ночью ходили с Валерой на остров. Не дошли, так как вода отделяла всё-таки остров от нас. На обратном пути Валера чуть не сшиб с дерева палкой какую-то птицу. Шиповник изодрал мне кожу. Куртка не смогла защитить. А так было очень хорошо. Луна светилась очень ярко и, казалось, если бы был день – обжигала бы своими голубыми лучами, но ночь ей было преодолеть не в силу, она только освещала все здорово.

Мы поселились с Валерой в маленькой палатке, а в другой такой же расположили свои вещи. Загорели сильно. Я спантографировал и увеличил топооснову. Завтра, видимо, пойдём в маршрут.

Совсем рядом кричит фазан.купаемся в основном мы с Валерой, остальные боятся холодной воды. Надо заниматься науками, готовиться к сессии. Начальники уехали все в Уштобе и, конечно, найдут к попу дяде Ване, так как там наша повариха.

16. 05. 1965 г.

Первый день работали. Я буду самостоятельно вести маршруты. Сегодня Николай Николаевич стажировал меня. Работали втроём: Н. Н., я и Валера. В дальнейшем буду работать с Валеркой.

Здесь с нами теперь проживает Володя Попазов – журналист с пятого курса КазГУ, работает рабочим по пятому разряду. Ничего парень, хорошо цитирует юморные местечки из «Солдата Швейка» Ярослава Гашека.

Баба Ира (наша повариха – тёща Евгения Сергеевича и сестра попа дяди Вани) утром вскричала: «Ну-ка, чего прохладжаетесь, как красные девицы, несите воды!» – удивила рабочих своей бесцеремонностью.

У журналиста что-то не в порядке с ногой, поэтому, видимо, он и купается в стороне. Хромой Байрон.

Ходили с В. опять ночью теперь уже вниз по течению реки. Где-то на том берегу зашуршало – насторожились. Выждали. Оказывается, паслись лошади. Луна, как и все эти дни, околдовывала мир своим синим светом. Ночь была душная, хотя шли мы по степи.

Вчера сварили четырёх черепах и только двух обделали под пепельницы. Когда мы ехали на работу, фазан взлетел перед самыми кустами с распущенным хвостом и скрылся за ними.

...Валерка далеко бросает в воду большую палку, и наша маленькая Пальма подплывает к ней, берёт в зубы и, хрипя, дотаскивает до берега. При этом в воде никому не отдаёт её.

18. 05. 1965 г.

– Не зря, оказывается, ты приехал, – сказал я Валерке после того, как мы исползали кварцевую жилу в гранитах вдоль и поперёк, отбивая наиболее интересные камушки для пробы.

– А ты что, думаешь зря, – сказал он почему-то так, словно я против его приезда.

– Когда я думаю так, я хочу, чтобы ты как можно больше извлёк из этой поездки, – пояснил я.

– Вот и теперь, мы с тобой, кажется, нашли оруденение (То, что мы нашли, даже страшно назвать оруденением. Это были небольшие вкрапления в граните и кварце как раз на контакте этих пород. Потом, когда мы всё осмотрели, подметили ещё кое-какие детали: рядом с вкраплениями коричневого цвета были и зеленовато-голубые налёты и, кроме того, некоторые зёрна искрились золотистыми блёстками).

– А как же, мы ещё и не то найдём, – узнаю Валерку по подобным словам. Он уже в ключья сжёг нашим азиатским солнцем спину. Это был второй Валерин маршрут в жизни и мой первый самостоятельный, поэтому, когда мы сообщили о своей находке в лагере, на нас только мельком взглянули. Мы показали образчики, завернутые в бумагу, а потом и пробу из мешочка.

ЯЗЫК КАМНЕЙ

Язык камней загадочен
И ёмок...
У самых ног моих
Лежит в пыли
Ничем не примечательный
Обломок,
Но в нём сокрыты
Таинства
Земли.
Не трудно опуститься
На колени:
Я камушек беру
И удаляю пыль
С надеждой,
Что услышу
Гул борений –
Внутриземную,
Спрятанную временем,
Никем ещё
Не слыханную быль.

...Поехали на жилку. Сначала Виктор острил, но потом повеселел:

– Ну, вот можно и отчёт писать, – тихонько сказал он Евгению Сергеевичу – старшему геологу, когда мы стояли в машине, возвращаясь в лагерь...

...Валера нарисовал тушью Пальму в двух видах (он только глянул на неё, да раньше постоянно купался с ней – позировать не понуждал) фас и профиль на задних лапах, но был не доволен. И глядя на лес, освещенный солнцем, в сторону реки проговорил: «Разве только масло меня спасёт. Не могу. Сплошная гармония. Дико кругом, такие настроения» (у него была только акварель, а ею он не мог передать те ассоциации, которые в нём вызывали наши места). «Зарисовками не хочется заниматься, – их я и там, – продолжал он, – много делал». И тут

Валера схватил лист ватмана, сбегал за водой, попросил меня, чтобы я ему не мешал на переднем плане: «Разве успеешь схватить, сейчас всё скроется». Я понял, что он уловил луч солнца на дереве и вид почему-то его взволновал, а потом, когда я напомнил, что луч этот уже исчез, он ответил: «Всё-равно», и начал водить кистью по бумаге. Бумагу он периодически смачивает здоровенной кистью, в первые дни я по этому поводу острил: «надо привезти метлу».

Вечерами мы с Валерой делаем прогулки (вчера заблудились), а днём почти вдвоём, не считая Пальму, купаемся в Каратале. Сегодняшний рабочий день нам не понравился – штурмовали: прошли 30 точек – три км таким темпом, при каком можно пропустить даже месторождение. Но не мы только с Валерой были в маршруте. Вёл нас Николай Николаевич. Завтра намечается то же.

... Нашли сегодня рога сайги и выкрасили черепаху в красный цвет.

* * *

Брат с сестрой катались на лодке, потом девушка плавала в воде. Вдруг она вскрикнула «Спаси, помоги!», но он не поверил. Её вытащили, но не смогли откачать. С тех пор его мучит совесть. А мать ходит по берегу реки, плачет и кричит:– Проклятый Каратал, верни мою Наталку.

* * *

17. 05. 1965 г.

Журналист, который числился когда-то «машинисткой» в штате районной газеты в пос. Талгар, проснулся неожиданно в четыре часа ночи и у входа в палатку увидел вдруг Виктора, тот что-то высматривал.

– Что случилось, Виктор, почему вы здесь? – спросонья выпалил будущий корреспондент.

– Пальму ищу, – пробормотал Виктор и стал заглядывать под раскладушку.

– Так вот она Пальма-то. – Пальма стояла у входа, повилявая хвостом.

– И, правда, – неловко спохватился Виктор, развернулся, но, зацепившись стволом ружья за край палатки, задержался, выпутываясь. Наконец, он высвободился и, выругавшись вслух своим крепким басом, исчез в тёмно-синей наружной мгле.

– Куда эта вы, Виктор? – крикнул вдогонку журналист и услышал в ответ насмешливое:

– На охоту!

Наутро всё выяснилось. И когда мы уже ехали в Алма-Ату, журналист, не без злорадства, осведомился:

– Ну как, Виктор, ходили на охоту?

– Ходил.

– Так ведь охота запрещена (раньше он просил у Виктора три патрона, но тот ему отказал, ссылаясь на то, что охота запрещена).

– А я так поугагать фазанов ходил, – ответил Виктор.

А дело было так. Фляга с брагой стояла у начальников в палатке. Она и усыпила хозяев положения. Однако когда наступило раннее похмельное утро, браги во фляге не оказалось. Виктор решил выяснить, кто посмел её «потребить». Он, взяв ружьё якобы на охоту, стал искать Пальму (тире брагу) по палаткам. И только после того, как были пронюханы все кружки, начальство пришло к выводу, что во фляге была дырка, которая и явилась причиной создавшегося бедствия. Так с больной головой и поехали в столицу. Журналист только ликовал и уже на обратном пути шутил по этому поводу следующим образом:

– А дырку-то во фляге проделал я, ха-ха, гвоздиком; всё-равно, думаю, не дадут попробовать, а ведь я и ямку рыл для этого зелья. Виктор уже не обижался на журналиста. Обида была проявлена несколько раньше, когда перед тем как зайти в хлебный магазин журналист почти шутя, сказал: «Виктор, прекратите шуметь на меня и оставьте свой тон, пожалуйста, в конце концов, подерёмся мы из-за этого». На что Виктор уже в магазине в полтора тона выше, чем следует в подобных заведениях, ответил: «Пошёл вон отсюда, подлец!» – это он адресовал журналисту, а нам, видимо нам, остальным присутствующим, включая продавщицу и посторонних покупателей в количестве одного юноши, только, что окончившего девятый класс, да так прямо из школы зашедшего за батоном, Виктор сказал: «Ещё каждая б... будет тут (за сим следовало многоточие, а после многоточия последний схватил первого за шиворот, но шиворот у журналиста был не хилым)... И тут они оба оступились со ступенек, и булыжная земля подставила им свои бока. Дело кончилось возбуждённым перемирием – Виктор сопел, а журналист грустил рядом после дружеского рукопожатия.

Итак, Виктор уже не обижался на своего рабочего пятого разряда и на слова журналиста «А дырку-то во фляге проделал я, ха – ха, и т. д.» благодушно – насмешливо отвечал: «Ну, вот и хорошо, 10 кг сахара и 0,5 кг дрожжей запишем на тебя».

* * *

Уроду-горбуну смотреть вослед – не след.

* * *

В Алма-Ате приняли ещё двух рабочих: Мишу (школьника) и Гену (сына поварихи бабы Иры). В Талды-Кургане встретили Василия Сташкова, который «не сошёлся» с начальником экспедиции Мамедовым, пришлось и его забрать к нам в рабочие.

01. 06. 1965 г.

Я лежал на камнях вверх лицом. Я хотел, чтобы загорели мои глазницы, которые почти всегда прикрыты очками. Машина пришла из Уштобе только в половине пятого.

...Суслик бросился под колёса нашей машины, когда мы отъехали от лагеря совсем немного. Он подождал, а потом, когда машина совсем сравнялась с ним, кинулся под правое колесо. Очень было похоже на самоубийство. А потом мы все замерли стоя в кузове, когда вдруг увидели удирающего маленького птенца – машина мчалась на большой скорости и облегчённо вздохнули, когда он из-под самого баллона выскочил и побежал, что – то выкрикивая, к кустам. Дрофу красавку – матушку птенчика увидели уже после того, как журналист накрыл шляпой малыша. Хором решили отпустить – чем кормить?

Вечером, подъезжая к лагерю, опять увидели дрофёнка, удирающего со всех ног. Лисы сейчас жируют, недаром «рыжую» видели сегодня в этом же месте. Одним словом, лес и степь оживают (журналист с Валеркой утром поймали фазанёнка, но рыбачка Шура со слезами уговорила отпустить). А позавчера чуть не наехали на барсука. Бегает он неуклюже. Виктор застучал по кабине и шофёр притормозил, давая возможность тому скрыться.

На закидушку утром вытащили четыре судака. Судаки красивые, прозрачные.

03. 06. 1965 г.

Ирина Ивановна – женщина с классовым подходом к общей массе суп подает сначала начальникам. В полевых отрядах так не принято. Сразу видно – не бывалый человек.

...Художник разделявал черепаху, как вдруг уловил запах жареной дробы, которую в 50-ти метрах от художника уплетал «удельный князь» Виктор. Сегодня он был в духе: кроме дробы подстрелил ещё зайца. Правда, рассказывают, что это ему удалось не сразу, после двух выстрелов мелкашку пришлось заменить ружьём, заряженным картечью. Но, что ни говори, заяц был убит наповал удельным князем и поэтому князь сегодня был «в духе». О, а как он подъезжал и как въехал в лагерь, в этот-то момент и приросла к нему кличка «удельный князь», в этот-то момент она более всего и соответствовала этой властной, не терпящей чужого мнения натуре. Властная натура окинула лагерь взглядом и произнесла – Хм, что-то никто и не подходит?.. Вот тут-то мы и бросились к машине и снизу вверх кротко и наперебой заспрашивали: «А что такое? Надо помочь или ещё что?»

– Да, сегодня полная машина барахла, – и «князь» бросил мешок далеко на землю, в нём был обезглавленный заяц. И ещё он бросил дробу. Больше бросать было нечего. И нам подали дробёнка в чьём-то обгаженном птенцом накомарнике. Мы после этого, хотя и перемаргивались, но «трепетали». Нам казалось, князь сегодня, более чем когда-либо имеет право обижать нас с пристрастием, ведь у него удача. Но мы ошиблись и очень. У него было чудесное настроение потому что, когда шофёр во время ужина, заметив в рыбьей голове червя, выругался и хлопнул этой головой об стол, князь крикнул и сказал: «А я люблю червей, когда они свежие». Мы в этот момент опять переглянулись и подумали: «Ешьте, ещё не поздно». Потом рыбу выкинули, и воцарился мир. Повариха баба Ира приговаривала: – Не знаю, что это с ней – утром ели, в обед ели – хорошая была рыба, откуда черви, какие черви? Её можно было и завтра кушать, жаль, что я сама рыбу не люблю.

...Вскоре я уехал в Алма-Ату на сессию.

08. 07. 1965 г.

Лень жаркими зефирами распростёрлась над землей сразу после окончания сессии. Она подхватила и меня и понесла-понесла полусонного в объятия Морфея. А теперь я иду – сплю, сижу – сплю, живу – сплю. Бедный я!

* * *

В магазине стояла черноголовая бабушка с серебристого цвета макушкой.

* * *

Прошёл мужчина – «чёрные галифе» неуверенной бабьей походкой.

* * *

...А далее произошло событие, которое в корне изменило течение нашей полевой жизни в этом сезоне.

Приехали мы в лагерь из Алма-Аты 12 июля. Ехали, как всегда, не грустно. Н. Н. в кабине рядом с шофером. Все остальные в кузове на открытой машине. Остальные – это Виктор, Володя (журналист), Василий Иванович Сташков (рабочий) и я – после сессии. Где-то при подъезде к Николаевке Сташков начал жаловаться на воспаление в горле. Несмотря на жару, у него возбудилась ангина. Виктор громогласно заявил, что знает уникальное средство, которое тут же излечит Сташкова. Это керосин, которым надо смазать гланды. По пути вместе с вином раздобыли и керосин. Виктор обмакивал древесную щепку в керосине и затем запихивал её в рот Сташкову.

– Виктор, ну что вы делаете? – возмутился журналист, – это же ужас, а не метод лечения.

Таким образом, ехали и лечили Сташкова между приёмами вина и заездами в забега-ловки.

Приехали 12 июля вечером. 13 числа готовились в маршрут. Но у Сташкова горло ещё сильнее возбудилось. Н. Н. Маньков принял решение направить его в Уштобе в больницу. Сопровождающим назначил меня. Я прихватил с собой Валеру-художника. Так как маршрут всё – равно не состоялся, Виктор и Володя-журналист решили прокатиться с нами до пос. Тюгульбай – это в четырёх км от лагеря по пути в Уштобе. На обратном пути мы должны были заехать за ними и все вместе вернуться в лагерь.

Сташкова довели мы до Уштобе быстро, благополучно препроводили в больницу, где после осмотра ему назначили стационарное лечение там же.

Где-то к середине дня мы, возвращаясь в лагерь, подъезжали к Тюгульбаю. Перед самым въездом в посёлок вдруг заметили, что навстречу нам бегут две девушки и делают знаки, чтобы остановились. Тормознули. Девочки явно чем-то встревожены. Обращаются к нам с вопросом: «Это не ваш ли там человек утонул?» – Наши не тонут, – бравадно ответил я. Однако, подъезжая к берегу, издали вижу, лежит человек и на ноге у него спецчулок, обтягивающий голенную часть ноги. Вспомнил про больную ногу журналиста. Выскочил, подбежал, так и есть – Володя. Лежит в плавках с чулком на ноге. Ещё тёплый. Я положил его животом на своё колено, пере-гнул (как учили оказывать помощь утопающим), чтобы жидкость вышла горлом. Тут рядом оказалась медсестра, мать встретивших нам девочек. – Бесполезно, – проговорила она, – я уже делала ему искусственное дыхание «рот в рот».

Девочки рассказали, что Володя купался с ними в реке. Но потом они пошли домой обе-дать, а когда вернулись – застали его, лежащим на берегу, причём голова его и плечи погру-жены были в воду.

«Что делать? Виктора рядом не было, неизвестно, куда он подевался. Обычно в таких случаях люди не оставляют друг друга», – думалось мне. Тогда я принимаю решение – увезти его в Уштобе, может, он всё-таки жив, в больнице его откачают...

Так и сделали. Погрузили с Валерой журналиста в кузов и поехали в Уштобе. Привезли Володю в ту же больницу, куда сдали Сташкова. Врачи сразу же сделали укол, после чего кон-статировали смерть. Подсказали мне, чтобы я непременно сообщил об этом прокурору. Нашли прокурора. – Зачем вы его привезли? Надо было оставить труп на месте для расследования, – упрекнул он. – Мы думали, что он жив, – ответил я. – Тогда проведите опрос местных жителей. И письменные показания с их подписями привезите ко мне.

...Поехали назад. Немного не доезжая до лагеря (уже темнело), по пути увидели Вик-тора. Он брёл пьяный, отрешенный, прижав к себе бутылки с вином, завернутые в плащ. Про Попазова он ничего не знал.

В лагере, естественно, все всполошились. Наутро произвели опрос, как велел прокурор. И на следующий день сами предстали перед ним: начальник Н. Н. Маньков, Виктор, Евгений Сергеевич Егоренков – ст. геолог, Валера и я. Всю дорогу Виктора трясло, он пил валерьянку. Подозрение пало на него, ведь они были в плохих отношениях с журналистом. Странно было и то, почему они разлучились? Может, подрались и тот оказался в воде. Кто знает? Молчание было тяжёлым. И вдруг Виктор обращается ко мне – Ну ты – то, Юра, скажи, мог я это сделать?

И меня осенило: «Виктор, конечно, подлец, что оставил товарища на берегу реки. Но зная его пристрастие к алкоголю и то, что по натуре он всё-таки эгоист надменный, я представил, как он пьяный, забрав бутылки в охапку, удаляется в лагерь и где-нибудь на пути под кустом принимает «дозу» за «дозой» и засыпает. Купаться с девочками – подростками ему совсем не интересно. И потом, не настолько он жесток, чтобы по- настоящему драться и убивать кого-то. Он вспыльчив, с гонором, но на серьёзный конфликт не пойдёт».

– Нет, конечно, – после этих раздумий выдохнул я.

Прокурор на него тоже «наезжал». Тем более вид у него был растерянный, его трясло. Он даже писать самостоятельно объяснительную не мог. Но после того как мы все подтвердили, что отношения у них с покойным были нормальные, так сказать производственные, нам, наконец, удалось выйти от прокурора.

Заехали в морг. Холодильной установки там не было, поэтому труп почернел и был облеплен зелёными мухами. На улице стояла жара. Рядом находился ещё один покойник, совсем чёрный – условно назвали его «корейцем».

– Забирайте свои костюмахи, – сказал служитель морга, до этого помогая нам завернуть останки в марлевый полог и уложить их во вкладыш от спального мешка.

...Начальник Н. Н., как всегда, ехал в кабине, а мы – остальные – в кузове, рядом с покойным. От него распространялся слабый душок. Когда заехали в Алма-Ату, я сообщил, что моя жена должна вот-вот родить ребёнка и мне надо выйти. Н. Н. не позволил мне оставлять их, и мы все повезли покойника в Талгар, где он проживал, будучи живым. Разыскали дом. Вышла женщина с ребёнком на руках. Это была его жена и трёхмесячный сынок, лишившийся отца. Конечно же, узнав о случившемся, она расстроилась и растерялась, не зная, что делать. «Везите в морг», – были её слова.

Когда подъехали к моргу, Н. Н., Виктор и мой друг Валера, зажав носы, не захотели прикасаться к покойнику. Пришлось нам с Евгением Сергеевичем заносить его. Мы положили останки на пол и собрались уходить. Однако служитель сказал, что надо его высвободить от того, во что он завёрнут. От спального мешка мы его избавили довольно просто, разрезав ткань. А когда стали переворачивать, чтобы освободить от марлевого полога, вдруг раздался такой стонущий звук, от которого у нас на головах зашевелились волосы. Это внутренности покойного, меняя положение, вытеснили скопившийся в организме воздух и он, выходя наружу, издал этот страшный звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.